
Дмитрий Сиротин

Красный свет детства

Рассказ

Во все глаза я смотрю на паровозик. Он такой классный, и как будто специально для моей тумбочки. В комнате темно, и красная лампочка внутри паровозика горит так уютно в этой темноте... Теперь спать мне будет совсем не страшно.

— Ну что, исполнила я твою мечту? — улыбается мама.

Я молча киваю, замороженный.

Я так мечтал перестать бояться! Как только ложился спать и выключал свет, изо всех углов на меня смотрели страшные рожи, и под кроватью, казалось мне, тоже сидит рожа. И только и ждет, когда я усну, чтобы схватить!

Конечно, я не видел этих рож, но они ведь были, просто в темноте ничего не видно. А красный, приятный свет паровозика-ночника будет теперь охранять меня всю ночь. На свет рожи вылезти не посмеют! Как вся нечистая сила, они боятся света. Должны же и они чего-нибудь бояться.

Я смотрю на паровозик, никак не могу заставить себя лечь спать, все смотрю и смотрю, хотя мама уже второй раз заходит и требует лечь: поздно уже.

Я думаю о том, что в паровозике обязательно должен быть машинист. Очень маленький, конечно, но все-таки. Беру игрушечную сову, я ее так люблю, что погрыз ей все уши. Сажаю резиновую сову на паровозик, поближе к позолоченной трубе. Вот — машинист-сова! Пусть везет теперь. А на крышу паровозика сажаю «веселых человечков», тоже любимых. У меня их целый набор: Карандаш, Дюймовочка, Буратино, Петрушка...

Вот. Теперь вообще замечательно. Сова везет, «веселые человечки» едут. А куда они едут? Смотрю на красную лампочку и вижу, как за окном паровозика проносятся снежные поля, вечные снежные поля нашего города, где лето бывает так редко, что даже, можно сказать, и не бывает его.

Поля проносятся, долго, потом появляются низенькие деревца, потом деревца становятся все выше и выше, потом они зеленеют, это значит, паровозик все ближе и ближе к Москве.

Дмитрий Сиротин родился в 1977 году в Воркуте. Окончил филологический факультет Коми государственного педагогического института. Печатался в журналах «Урал», «Октябрь» и детских — «Кукумбер», «Чиж и Ёж», «Костёр» и др. Автор нескольких книг стихов и прозы.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

В Москве так здорово! Я был там всего один раз, но все запомнил: и Красную площадь, и зоопарк, и сосиски в кафе зоопарка (вкуснотища, в нашем городе таких никогда не было!), и метро, когда едешь-едешь в вагоне, а вокруг грохот и темнота. А потом выходишь из вагона, и по лестнице-чудеснице поднимаешься вверх, не сделав ни единого шага. Выходишь из метро на площадь какую-нибудь, а там дома такие высоченные! Магазины такие громадные! Все такое интересное, большое, совсем не похожее на мой маленький северный городок на самом краю земли...

Мама сидела в метро, а я стоял, и тут она сказала:

— Встань-ка поближе, перекрой меня!

— Зачем перекроить? — удивился я.

Мама не ответила, только раздраженно сморщилась, схватила меня за руку и поставила ровно напротив себя.

Потом, пока мы ехали вверх по лестнице-чудеснице, она объяснила, в чем дело:

— На меня солдат один так смотрел, так смотрел! Аж не по себе стало. Вот я тебя так и поставила, чтоб он меня не видел.

На маму всегда обращают внимание мужчины, даже в Москве. Мама очень красивая, к тому же одинокая, а «мужчины это чувствуют», говорит она.

Я знаю почти всех маминых знакомых мужчин, она часто приводит их домой. Ну, не одновременно, конечно. Одного приведет, потом расстанется с ним, и другого приводит...

Был у нас, например, Вадик. Некрасивый, говорила мама. Хоть и хороший, и непьющий даже. И руки золотые. Но — некрасивый, не нравился маме. Поэтому расстались. Потом был у нас Пушкин. Ну, не тот самый, конечно. Просто его тоже звали Александр Сергеевич. Он был высокий и довольно красивый, но у него тоже был сын. И мы с его сыном как-то не подружились. Просто этот сын, видно, не очень хотел, чтоб его папа встречался с моей мамой. Не хотел его ни с кем делить, очень уж Александр Сергеевич хороший папа был. Разные модели даже делал. Самолетов и танков. Такие здоровские! А паровозов не делал.

А я люблю паровозы. И именно о таком мечтал. Чтоб и паровоз, и лампочка в нем, чтобы любоваться ночью, не бояться больше темноты и придумывать, куда он едет...

Был еще у нас длинный Миша. Очень высокий. Творческий человек. Художник. Он маму рисовал. Очень красиво получалось. Но у длинного Миши все время обнаруживались разные другие женщины. И мы однажды больше не стали это терпеть.

А теперь у мамы компьютерщик Давид. Компьютеры — дело пока совсем новое, необычное, тем более в нашем городке. Давид поэтому — нарасхват. Он большой и бородатый, похожий на медведя. Я его немного боюсь, хотя он добрый. Просто угрюмый. С Давидом мы уже долго, в общем-то, он нам нравится. Но мама Давида против, что он встречается с моей мамой. Потому что моя мама его старше намного. И потому что у нее ребенок, то есть я. А его мама хочет, чтобы Давид женился на девушке своего возраста, и чтобы у них дети родились свои, и чтобы внуки были родные, а не чужие, непонятно от кого.

Давид хороший, он даже меня из садика иногда забирает. Когда мама не может. Мы с ним идем по темной снежной улице и молчим. Он иногда только спросит:

— Не холодно?

Я вежливо говорю:

— Не-а.

И дальше идем.

Я смотрю на паровозик и думаю о том, что жизнь, в общем-то, хорошая штука. И мама у меня хорошая, просто она в поиске всегда... Ну и что, что я папы своего не знаю, зато есть компьютерщик Давид, и он вполне себе ничего. Может, даже женится на маме, если свою маму, наконец, переубедить сможет. И город у нас хороший, хоть и холодно все время. Не Москва, конечно, но тоже пойдет. И мама меня любит, вон помнит, что я темноты боюсь, и такой замечательный паровозик мне подарила. Даже не на день рожденья и не на Новый год, а просто так.

Конечно, она иногда на меня злится, даже часто... Раздражается, и за руку хватает, и иногда совсем без причины на меня кричит. Ну, просто ей тяжело. Мы же с ней совсем одни живем. Помогать некому. Тут любой злиться будет, даже самый добрый.

Я смотрю на свой паровозик и думаю, что пора спать. Ложусь, укрываюсь, закрываю глаза, а в закрытых глазах — все еще свет красной лампочки паровозика.

Однажды мы возвращаемся с мамой из садика, она веселая, совсем на меня не злится, что быстро иду, а она за мной не успевает.

— Давай по коктейлю! — предлагает она.

О, я обожаю молочный коктейль! Спасибо, мамочка!

Продавщица наливает нам в стеклянные граненые стаканы коктейль, дает трубочки... Я тяну коктейль, сладкий и холодненький, и даже глаза закрыл от удовольствия.

Дома нас ждет компьютерщик Давид, он тоже веселый и даже не молчаливый, как обычно. Обнимает меня даже, колетса своей большой бородой:

— Привет! Как оно? Не замерз?

Мы долго все вместе сидим на кухне, и у меня, наконец, начинают слипаться глаза. И мама гладит меня по голове и говорит:

— Иди спать, малыш.

Я иду к себе в комнату, не глядя протягиваю руку к тумбочке, чтобы включить паровозик, и рука моя повисает в воздухе. Паровозика нет. Я потрясен. Может, он упал? Ищу его на полу, под кроватью, за тумбочкой... Нет.

Бегу на кухню, взволнованно спрашиваю:

— Мама, а где паровозик?

Мама смущается, переглядывается с Давидом, идет со мной в комнату.

Мы сидим рядом на кровати, и она тихо говорит:

— Понимаешь, я его подарила... Мне очень нужно было так сделать...

— Как? Мой паровозик? Подарила?! Кому??

— Тише, тише... Ну, маме Давида. Мы ходили с утра к ней, знакомиться, наконец, чтобы отношения наладить хоть немного. Ты же знаешь, как она ко мне относится плохо... А мама у него любит такие штуки, как этот паровозик. Мы долго думали, что ей подарить, тут я про него и вспомнила. И Давид сказал: как раз то, что надо. И правда, представляешь, помогло!

Я сажу оглушенный. Молчу, потом спрашиваю:

— Ты как? Ты насовсем его? Или потом заберем?

— Да ты что! — мама пугается. — Как заберем-то? Это же подарок! Тем более, это же мама Давида... Как забрать? Она зато смягчилась хоть немного. Даже поговорила со мной. Сказала, чтоб я Давида берегла. Кормила его хорошо. А то он вечно за своими компьютерами все забывает. Представляешь?

— Но это же мой... мой паровозик... — тупо повторяю я.

Я настолько потрясен, что даже не плачу.

— Ну да, малыш, твой... Я знаю, что нельзя так... Но пойми меня! — мама умоляюще смотрит. — Пойми! Я так долго его искала...

— Паровозик?

— Да какой паровозик! Давида! Ты понимаешь, наконец, у меня все серьезно?

— Но это был мой паровозик...

Мама еле сдерживается, чтоб, по привычке, не начать злиться. Даже зубы сжимает, так сдерживается...

— Когда-нибудь ты меня поймешь, — говорит она наконец. — И простишь. А пока... Знаешь, пусть это будет самым большим горем в твоей жизни!

Мама уходит. Я сижу. В комнате совсем темно, но я не включаю свет и даже страшных рож не боюсь, хотя они, наверное, уже давно торчат во всех углах и под кроватью...

Мой паровозик с красной лампочкой внутри, он так красиво и тепло горел, и можно было смотреть, смотреть на него и потихоньку засыпать... И думать, засыпая, куда еще сова повезет «веселых человечков»...

А теперь он — у какой-то чужой женщины. У мамы Давида. Она поставит его куда-нибудь далеко на полку и, может, даже включать не станет. Паровозик будет скучать по мне. Он будет скучать по мне, мой милый паровозик с красной лампочкой внутри...

Я засыпаю только под утро. Утром мама как ни в чем не бывало шутит:

— Одевайся, дурак, собирайся, дурак!

Это она не обзывается, просто сказка такая. Из какого-то мультика ее детства. Она часто так говорит. В шутку.

Мы идем в садик, я сзади, а мама с компьютерщиком Давидом — впереди, они держатся за руки. Они счастливы. Я рад за маму, но и обижен не нее очень. И мне по-прежнему безумно жаль паровозика. Я не выспался, хнычу, утром к тому же еще холодней, чем обычно, мне зябко и грустно. А мама только иногда оборачивается:

— Эй, ну, где ты там? Давай быстрее, на зарядку опоздаем!

А через месяц мама рассталась с Давидом. Его мама нашла ему какую-то девушку и познакомила. И эта девушка ему понравилась. К тому же она была моложе мамы и красивей, хотя мама тоже очень красивая. Да, и девушка была без детей. А я все-таки Давида смущал, хоть он и добрый был. Чужой ребенок всегда смущает. Это мама мне так говорила, все рассказывала, когда перед сном пришла ко мне в комнату и плакала. Давид сперва метался от мамы к девушке, а потом все-таки решил. И ушел.

Мама плакала, а я спросил:

— Значит, и паровозик мой не помог?

Мама уставилась на меня мокрыми глазами, замерла, а потом разразилась настоящими рыданиями, обняла меня и запричитала:

— Прости меня, малыш, прости, прости! Я куплю тебе новый, я найду, обязательно найду такой же! Прости меня!

Потом она еще долго меня обнимала и говорила, что — всё, Давид был последний, больше она ни с какими мужчинами не будет встречаться, все они бессовестные, и нам с ней никто больше не нужен, проживем и так.

И мы стали жить и так. Только паровозик мама больше мне не купила. Может, не нашла, а, может, и не искала. А потом я подрос и перестал бояться темноты.

Потом мама умрет, потом, через много лет, буду умирать я, но спасусь.

Ты меня спасешь.

И однажды, в пылу откровенности, я расскажу тебе эту историю про паровозик. Расскажу и забуду. А ты не забудешь, ты ничего не забываешь. И однажды ты найдешь его и подаришь мне. Совсем такой, какой был у меня! И труба позолоченная, и по три колеса с каждой стороны — два больших и одно маленькое, и такая же кабина с красным стеклом в тоненькую полоску.

Я включу его перед сном и буду смотреть на красную лампочку, так уютно горящую в кабине. Это будет уже не в моем всегда холодном городе, а почти в Москве, да-да, в той Москве, которая так восхитила меня в детстве.

Будет лето, и в темную комнату, на свет паровозика, влетит мотылек, станет биться крыльями о стекло кабины.

Я не засну, давно уже страдаю бессонницей, но свет паровозика будет успокаивать, напоминая о давно покинутом северном городе, о живой маме, о стеснительном бородатом компьютерщике Давиде, о резиновой сове с обгрызенными ушами, о «веселых человечках». О нашей с мамой последней новогодней елке...

Мотылек снова и снова бьется о красное стекло кабины, все рвется к свету. И горит, и горит во тьме твой подарок, мой паровозик, горит и горит теплым светом моего детства.